

Яна Седова

ВЕЛИКИЙ МАГИСТР РЕВОЛЮЦИИ

«Если русские монархисты желают участвовать в дальнейшем созидании русской истории, то они должны прежде всего пересмотреть и осудить свое прошлое, обновиться, переродиться, вступить на новые пути и не воображать, будто в происшедшей трагедии русского трона повинны все, кроме них. Они – повинны первые, ибо выдавали себя за верных и преданных».

Ильин И. А. «О грядущей России»

Оклеветанная Русь

Яна Седова

Великий магистр революции

«Алисторус»

2006

Седова Я. А.

Великий магистр революции / Я. А. Седова — «Алисторус»,
2006 — (Оклеветанная Русь)

Февральский переворот 1917 года – темный период русской истории – практически неизвестен массовому читателю. Книга Яны Седовой "Великий магистр революции" разрушает сложившиеся стереотипы и убедительно доказывает, что больше всех в свержении русского самодержавия виноваты не "жиды и масоны", а сами монархисты, и, прежде всего вождь русского монархического движения Гучков, который из-за своего гипертрофированного самолюбия разрушил тысячелетнюю монархию. Книга написана на основе архивных материалов и будет интересна преподавателям, учащимся и всем интересующимся русской историей.

© Седова Я. А., 2006

© Алисторус, 2006

Содержание

От автора	5
Часть 1	7
1. Масонский альянс	7
2. «Легендарный монархист»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Яна Седова

Великий магистр революции

От автора

*В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги...*

А. Несмелов о Февральской революции

В самом деле, события февраля 1917 года спасли многих. Даже слишком многих. Не только отдельным лицам, но и организациям, в том числе международным, и государствам была жизненно необходима революция в России именно в начале 1917 г.

И революция произошла.

Только пристрастный взгляд может не заметить этого совпадения.

Отдельные фразы, намеки, замечания, рассыпанные в воспоминаниях об этой эпохе, показывают, что российское общество знало о будущей революции и готовилось к ней. Интеллигенция ждала революцию, но не со страхом за будущее страны, а с восторгом, предчувствуя свое близкое освобождение от монархической власти. Нашлись и такие, кто от слов перешел к делу и присоединился к силам, задумавшим переворот.

После двух революций, оказавшись кто в эмиграции, кто – в руках НКВД, они предпочитали не вспоминать, что сами навлекли на себя все эти несчастья. Тайна революции осталась бы тайной, если бы ее не раскрыл ген. Глобачев – до революции начальник Петроградского охранного отделения. Подготовка переворота происходила буквально у него на глазах. Он видел все действия заговорщиков, знал их план и не мог не разглядеть в февральских событиях осуществление этого плана.

Дореволюционные доклады и позднейшие воспоминания Глобачева связывают воедино все факты, прежде казавшиеся непонятными.

Очевидно, наконец, кому мы обязаны падением Императорской России. Разъяснение этого вопроса, как мне хочется верить, прекратит призывы к народному покаянию, которые так часто слышатся у нас теперь. Покаяние, несомненно, необходимо, но не для страны в целом, а только для призывающих к нему, для людей, так же называющих себя *монархистами*, как называли себя авторы февральской революции. И надо признать, что Гучков обладал большими правами так называться, чем мы. Он шел верным путем и только поддался на искушение, а мы были неправы с самого начала. Замечание Ильина о том, что «русские монархисты <...> повинны первые»¹, имеет, таким образом, еще более глубокий смысл, чем мог предположить его автор.

Мысль о спланированности Февраля 1917-го несколько раз высказывалась в течение века, и наибольший вклад в ее развитие внесли, по понятным причинам, эмигранты. Совершенно замечательная работа о причинах революции принадлежит Каткову². Однако его книга трудна для прочтения, особенно неподготовленным читателем. Вывод автора заранее был обречен на неудачу. Слишком большое значение Катков придавал масонству и его влиянию. Поскольку о масонах по определению никто ничего не знает кроме того, что они масоны, выве-

---

¹ Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи. – Совм. изд. Свято-Троицкого Монастыря и Корпорации Телекс. Джорданвилл, Н.-Й., США, с. 107.

² Катков Г. М. Февральская революция. – Париж: YMCA-PRESS, 1984.

сти что-нибудь определенное в рамках этого подхода невозможно. Николаевскому³ повезло больше: в эмиграции ему удалось разговорить нескольких масонов, и их рассказы положены в основу его книги. Наиболее интересны, однако, не выводы этого исследователя, изложенные в довольно небольшой, хотя и увлекательной работе, а конкретные тексты его интервью с масонами, прежде всего с Гальперном и Чхеизде. Из этих материалов понятно даже многое такое, что не заметил Николаевский. Однако из его работы заметно главное – что масоны были перед революцией общественным объединением, почти политической партией, а следовательно, не нужно смотреть на них как на сверхъестественную силу с неограниченными возможностями, а тем более записывать в масоны всех подряд, как это сделала, например, Берберова⁴. Другой специалист по масонству, Мельгунов, тоже написал книгу, интересную больше историку, чем обычному читателю⁵. Несмотря на множество тонких находок, никаких выводов он не сделал, и Солоневич не так уж несправедливо назвал его «компилятором». Я недаром заканчиваю Солоневичем: это автор прекрасной статьи «Великая фальшивка Февраля», который, не имея под рукой большей части материалов, доступных другим, все же ближе всех подошел к разгадке авторства революции. Но, приблизившись к этой разгадке, он занялся сведением счетов и пустился в красноречивые, но не вполне своевременные воспоминания о своей дореволюционной жизни. Это несколько снижает ценность его статьи. К тому же, как он сам пишет, в этом деле статья не поможет, а нужна целая книга.

Большая часть эмигрантских работ написана в те годы, когда были еще живы многие герои эпохи и авторы революции. Поэтому историкам приходилось скрывать некоторые имена и факты.

Что касается советских историков, то их труд, как и положено труду советского человека, был наиболее кропотливым и наименее результативным. Если они и пришли к каким-нибудь выводам, то нам об этом ничего не известно. Зато у них был доступ в архивы, где они добывали интереснейшие вещи и, что самое важное, все это публиковали. Первое место здесь, вероятно, принадлежит Яковлеву, который опубликовал показания масонского лидера Некрасова. Хотя советские историки и не пришли ни к каким результатам, их работы были замечательны уже тем, что знакомили читателей с недоступной им эмигрантской литературой. К сожалению, они не всегда указывают, какого эмигрантского историка цитируют. Например, полезная работа Авреха «Столыпин и третья Дума»⁶ была бы еще полезнее, если бы он все же брал в кавычки те абзацы, которые переписал у Ольденбурга.

³ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. – М.: Терра, 1990.

⁴ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. – Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997.

⁵ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. – М.: Бородино-Е, 2003.

⁶ Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. – М.: Наука, 1968.

Часть 1

Кому было выгодно падение русской монархии?

1. Масонский альянс

Как и всякое преступление, февральскую революцию следует рассматривать с позиции, кому были выгодны эти события.

Очевидно, что уход Государя выгоден:

- 1) социалистическому движению;
- 2) Германии;
- 3) Государственной думе, обиженной с самого 1905 г. на ограниченность ее власти, невозможность формировать правительство и т. д.

Все эти силы были достаточно сообразительны, чтобы согласовать усилия против Государя, в надежде потом взяться и друг за друга.

Сначала (еще до начала Первой мировой войны) объединились думские либералы и думские же социалисты. Конечно, либералы не рассчитывали делиться властью с новыми друзьями. Им нужно было только, чтобы левые, используя свое влияние на рабочих, вызвали в Петрограде демонстрации и забастовки, создавая видимость народного бунта. Это должно было напугать правительство и заставить его согласиться на любые уступки. Левые, в свою очередь, ждали, когда Дума расшатает власть Государя, чтобы затем свалить и правительство, и Думу, и саму монархию. Кроме того, как говорит М. Алданов, «у русской буржуазии до революции можно было получить деньги на что угодно, от футуристского журнала до большевистской партии»⁷, а деньги еще ни одной революционной организации не помешали.

Инициатива объединения исходила от либералов. В обычной обстановке такой союз представить было трудно, и вскоре была найдена экзотическая форма: левым было предложено вступить в масонскую организацию. Масонство возродилось в России после 80-летнего запрета зимой 1905/6 г. и первоначально не имело никакого влияния, но затем либеральные, в основном кадетские и прогрессистские круги оценили его преимущества. «Под внешним масонским флагом, – пишет Мельгунов, – хотели достигнуть того политического объединения, которое никогда не давалось русской общественности»⁸.

Около 1909–1910 гг. на вопрос о масонах Кропоткин сказал: «Теперь классовое расслоение прошло так глубоко, что есть серьезная опасность, что радикальные элементы из рабочих и буржуазных классов не смогут в нужный момент сговориться между собою относительно действий, выгодных для обеих сторон. Ибо если соответствующее предложение будет сделано рабочими, то буржуазия побоится своим согласием усилить позиции рабочих; если же с подобным предложением выступят буржуазные группы, то так же к нему отнесутся рабочие. Поэтому я полагаю, что в такое время создание организаций, в которых представители радикальных элементов из рабочих и нерабочих классов могли бы встречаться на нейтральной почве, было бы очень полезным делом»⁹.

Каждому намеченному в масоны новому лицу при первоначальной агитации задавался один и тот же вопрос. «Во время первых разговоров, – говорит Гальперн, – речь шла о моем

---

⁷ Алданов М. Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. – СПб.: РХГИ, 1999, с. 16.

⁸ Мельгунов С. П. Указ. соч., с. 182.

⁹ Николаевский Б. И. Указ. соч., с. 22.

отношении к вопросу о желательности создании организации, которая согласовывала бы действия разных политических партий, поскольку они борются против самодержавия»¹⁰. «Как-то раз – это было в 1910 г. – ко мне подошел член Государственной думы Степанов, левый кадет, и спросил меня, не нахожу ли я возможным вступить в организацию, которая стоит вне партий, но преследует политические задачи и ставит своей целью объединение всех прогрессивных элементов», – говорит Чхеидзе¹¹. Если агитируемый отвечал утвердительно, то он становился членом ложи после значительно упрощенного обряда приема.

«Степанов указал, – продолжает Чхеидзе, – куда я должен придти, – адреса я теперь не помню. В назначенное время я пришел. Меня ввели в отдельную комнату, где Степанов дал мне анкетный листок с рядом вопросов, на которые я должен был ответить<...>

Когда я написал ответы, в комнату вошел Степанов, взял их и удалился, оставив меня ждать ответа. Я знал, что в это время ответы мои были оглашены в собрании ложи. Через некоторое время вошел Степанов, туго завязал мне глаза и провел куда-то, где меня усадили. Здесь мне был задан вопрос:

– Знаете ли вы, где вы сейчас находитесь?

Я ответил:

– На собрании масонской ложи.

В говорившем я тотчас узнал Некрасова – его голос мне был хорошо знаком. Вслед за тем Некрасов задал мне вопросы, повторявшие вопросы анкеты, я ответил в духе своих только что написанных ответов. Затем Некрасов предложил мне встать, я встал и услышал, что встали и все присутствующие. Некрасов произнес слова клятвы – об обязанности хранить тайну всегда и при всех случаях, о братском отношении к товарищам по ложе во всех случаях жизни, даже если это связано со смертельной опасностью, о верности в самых трудных условиях. Потом Некрасов задал, обращаясь ко всем присутствующим, вопрос:

– Чего просит брат?

Присутствующие хором ответили:

– Брат просит света!

Вслед за тем Степанов снял мне повязку с глаз и поцеловал меня, нового брата. С такими же поцелуями ко мне подошли и все остальные из присутствующих»¹².

После снятия с глаз традиционной повязки романтически настроенное воображение ожидало разочарование: в ложу входило только несколько человек, собиравшихся в обычной одежде на частной квартире; отказавшись от традиционной символики, перчаток и фартуков, русские масоны сохранили только название и обращение между собой на «ты».

К 1912 г. в России всего было 14–15 лож, из них 5 в Петербурге, остальные распределились в Киеве, Москве, Нижнем, Одессе и Минске. К этому времени относится выделение русской организации в самостоятельный «Великий Восток народов России». Всей организацией руководил избираемый Верховный Совет, имевший своего председателя, казначея и секретаря.

По словам историка русского масонства Б. И. Николаевского, «здесь были представлены все левые политические группы от прогрессистов до социал-демократов, тяготевших к большевикам. Формально партийных большевиков Верховный Совет, насколько мне известно, в своем составе не имел (в ложах они, по-видимому, были) <...> Председателем Совета был кадет, член Государственной думы»¹³ – имеется в виду Некрасов. Трое членов Верховного Совета (Некрасов, Керенский, Коновалов) стали после революции министрами Временного правительства,

---

¹⁰ Там же, с. 50.

¹¹ Там же, с. 82.

¹² Там же, с. 82–84.

¹³ Там же, с. 31.

еще один (Чхеидзе) – председателем исполкома Совдепа, а товарищем председателя стал тот же Керенский.

«Масонство имело устав, даже печатный, но он был зашифрован в особой книжке «Итальянские угольщики XVIII столетия» (изд. Семенова), – говорит Некрасов¹⁴. – «Масонство народов России» сразу поставило себе боевую политическую задачу: «Бороться за освобождение родины и за закрепление этого освобождения». Имелось в виду не допустить при революции повторения ошибок 1905 года, когда прогрессивные силы сразу раскололись и царское правительство легко их по частям разбило. За численностью организации не гнались, но подбирали людей морально и политически чистых, а кроме того и больше всего – пользующихся политическим влиянием и властью. По моим подсчетам, ко времени февральской революции масонство имело всего 300–500 членов, но среди них было много влиятельных людей»¹⁵.

Работа масонов имела две разграниченных области: в Думе и вне Думы. В Думе согласование деятельности кадетов и левых выражалось, в основном, в том, что кадеты подписывались под запросами левых. По наказу Государственной думы значимой считалась группа из 30 депутатов: в этом количестве они имели право заявить о признании законопроекта спешным, о запросе, внести предложение о приостановке прений, о передаче дела в комиссию, о поименном голосовании¹⁶. Поэтому левые, которых в III Думе было 28, а в IV – 24, нуждались всякий раз в поддержке своих братьев-масонов. Лидер кадетов Милюков неоднократно протестовал против подписей кадетов под запросами левых, не подозревая, что обе эти группы связаны между собой силой значительно большей, чем партийные связи. По словам председателя Верховного Совета русских лож Некрасова, все масоны «давали обязательство ставить директивы масонства выше партийных»¹⁷, чем и достигалась идея согласования усилий.

Один из лидеров меньшевиков в III Думе Гегечкори говорил и о другой стороне работы масонов в Думе: это помощь в подготовке речей. «...После роспуска Государственной думы на 3 дня в связи с Холмским земством социал-демократическая фракция внесла срочный запрос о нарушении Столыпиным основных законов; этот наш шаг вызвал недовольство буржуазной, даже левой печати; кадетские газеты писали, а кадетские политики говорили, что социал-демократы не справятся с задачей, что они должны уступить этот запрос кадетам, у которых имеются лучшие ораторские и политические силы (сами кадеты с внесением запроса запоздали, мы их опередили). Ответственную речь фракция поручила мне, и тогда Некрасов, который вообще в это время сидел рядом с нами и был по существу на нашей стороне, а не на стороне кадетов, посоветовал мне обратиться к М. М. Ковалевскому, обещая, что тот поможет в подготовке выступления. Я обратился, и Ковалевский действительно помог всем, чем только мог: он работал весь день, перевернул всю свою библиотеку, пересмотрел все западноевропейские

¹⁴ Имеется в виду книга некоего Сидоренко, изданная в 1915 г. и на первый взгляд посвященная итальянским карбонариям. «Книга эта была подвергнута жестокой и справедливой, с точки зрения исторической, критике на страницах «Голоса минувшего», но задачей ее составителей и издателей была отнюдь не история движения итальянских карбонариев 1820–30 гг., а популяризация идей карбонариев русских периода 1915 г.», – пишет Николаевский (Николаевский Б. И. Указ. соч., с. 40).

¹⁵ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. //Вопросы истории, 1998, № 11–12, с. 38. Как только не критиковали Некрасова и эти показания историки! И «хитрое и тонкое сплетение лжи и правды» (Аврех А. Я. Масоны и революция. – М.: Политиздат, 1990, с. 137), и фамилии в тексте «полны ошибок, которые Некрасов сделать не мог» (Берберова Н. Н. Указ. соч., с. 334), и вообще показания изготовлены «сержантом госбезопасности» (Поликарпов В. В. Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов, с. 12), потому что переданы Яковлеву руководителем КГБ Андроповым, хотя странно было бы, если показания Некрасова НКВД были получены не из этой организации. Показания совершенно замечательно совпадают с эмигрантскими свидетельствами масонов, а повторяющиеся рассуждения Некрасова о «мощных классовых силах, особенно – мобилизованных большевиками», о «столкновении классов» (Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов, с. 38), а также о ничтожности роли масонов и самого Некрасова в февральской революции и ошибки в фамилиях приходится отнести на счет состояния автора в 1939 г., когда он давал свои показания и ему лучше было выгораживать перед следователем и себя и других. Для сомневающихся в этом историков остается предложить перечитать «Архипелаг Гулаг».

¹⁶ Наказ Государственной Думы. В кн.: Демин В. А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. – М.: РОССПЭН, 1996, с. 187–213.

¹⁷ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов, с. 20.

конституции, всех государствоведов и дал мне такой обильный материал, что речь вышла блестящей, и даже кадеты были вынуждены признать, что социал-демократическая фракция оказалась на высоте задачи. Когда я благодарил Ковалевского за помощь, он мне ответил: «Это ведь мой долг в отношении близкого человека». Меня этот ответ несколько удивил: близким к Ковалевскому я никогда не был, видел его тогда чуть не в первый раз. Это мое недоумение сказалось и в моем рассказе Некрасову о приеме, который мне был сделан Ковалевским. Некрасов ответил в тоне Ковалевского: «Иначе он (то есть Ковалевский) и не мог поступить». Из этого я понял, что М. М. Ковалевский близок к масонской организации»¹⁸.

О работе масонов вне Думы значительно меньше ясных данных. Левые, разумеется, отрицают, что в осуществлении революции главную роль играли «буржуазные» круги; либералы после своего полного поражения предпочитали не вспоминать, что это они навлекли на себя и на всю страну такие неприятности. Однако, зная, кто был масоном, можно предполагать, в каких случаях он действовал с ведома своей организации. По словам Б. И. Николаевского, «масоны создавали сеть замаскированных организаций, которыми руководили, не вскрывая своего собственного существования. <...> В организацию входили и большевики, через их посредство масоны давали Ленину деньги (в 1914 г.)»¹⁹. Самые известные из таких попыток предпринимал масон и товарищ председателя Думы Коновалов. Коновалов неоднократно собирал у себя в Москве представителей либеральных и социалистических партий; в том числе 3 марта 1914 г. он предложил создать Информационный комитет с той же целью согласования действий всех партий. Комитет был создан на следующий день, в него вошли три прогрессиста и три социалиста, из них один большевик. Этот большевик, И. И. Скворцов-Степанов, сообщил обо всем в Краков Ленину.

«В либеральных кругах, – писал Скворцов-Степанов, – наблюдается любопытное явление. <...> В разговоре со мною один из любопытнейших «экземпляров с темпераментом» так выразил свои минимальные пожелания. В прошлом, говорил он, когда совершалось надорганическое решение, его социальные приятели сделали крупную ошибку. Они <...> отпали и повернулись спиной. Пусть этого не будет во второй раз. <...> Заметьте, это говорит человек, социальный вес и влияние которого измеряется... многими миллионами рублей <...>, а со своими ближайшими приятелями дает, вероятно, за много миллионов рублей. <...> Мне хотелось бы, чтобы Вы почувствовали, какой это огромный интерес: наблюдать процесс новой будораги с самого ее зарождения. <...> пока можно наблюдать, не компрометируя себя и приятелей – почему не наблюдать?»²⁰. Письмо было написано явно так, чтобы, если оно попадет в руки полиции, то полиция заснула бы во время его чтения.

Большая часть письма посвящена тому, в какое «грязное дело» «влетает» автор, связываясь с буржуазными либералами.

Письмо было получено Лениным 22 марта 1914 г., отчаянно измарано им сверху донизу, и уже через два дня он написал ответ.

«Очень прошу писать чаще, – отвечал Ленин, – и для этого наладить правильные сношения. Ответьте скорее. Нельзя ли от «экземпляра» достать денег? Очень нужны. Меньше 10.000 р. брать не стоит. Ответьте. Далее сообщите, насколько откровенно Вы можете беседовать:

а) с «экземпляром»,

б) с его отдельными приятелями и знакомыми, собеседниками и прочее,

в) со всеми участниками «встреч». По-моему, надо выделить тех, с кем можно говорить откровенно, и им откровенно поставить вопросы вроде следующих: аа) мы идем до таких-то средств борьбы; нельзя ли информироваться, до каких вы? неофициально, приватно!!

¹⁸ Николаевский Б. И. Указ. соч., с. 79–80.

¹⁹ Там же, с. 117.

²⁰ Исторический архив, 1959, № 2, с. 14–17.

бб) мы вносим то-то в смысле сил, средств и пр.; нельзя ли информироваться, что способны внести вы в «внедумскую» борьбу. Вы же говорите: «экземпляр» находит, что «рано изменили фронт либералы в 1905 году», – вот и «информироваться» – все ли так смотрят и на какой срок примерно предполагают отсрочить перемену фронта <...>.

вв) способны ли дать деньги?

гг) >> >> создать нелегальный орган?

и т. д.

Наша цель информироваться и подтолкнуть на всякое активное содействие революции с возможно более прямой и откровенной постановкой вопроса...»²¹.

Скворцов-Степанов действительно потребовал от новых друзей дать денег. Как доносило директору Департамента полиции, 19 апреля 1914 г. в Москве на заседании Информационного комитета Коновалов, Морозов и Рябушинский обещали дать социал-демократам 20 тыс. руб. на устройство партийного съезда²². Переговоры по этому поводу были поручены Петровскому и Малиновскому. «Когда в конце апреля сего <1914> года Петровский вступил в переговоры с Коноваловым о фактическом выполнении обещанной денежной субсидии, то Коновалов заявил, что вопрос о деньгах еще не оформлен и не выяснен у прогрессистов окончательно, при этом оговорился, что им уже были выданы деньги социал-демократам, а именно: чрез Романа Малиновского на легальную рабочую печать 2000 руб. год тому назад и 3000 руб. чрез Елену Розмирович в настоящем году Ленину»²³.

Дело с Информационным комитетом, как будто, провалилось. Коновалов, однако, продолжал работу и постоянно собирал свои совещания с той же целью в течение 1914–1915 гг. «Очень стремились мы в этот период и к установлению связей с подпольными организациями революционных партий, – рассказывал меньшевик, с 1916 г. секретарь Верховного Совета Гальперн. – <...> Связи с эсерами нам давал Керенский, связь с социал-демократами – я и Соколов; именно к этому времени относится и вовлечение в ложу и некоторых большевиков, например, Н. И. Степанова-Скворцова в Москве»²⁴.

«В Петрограде и Москве, – говорит секретарь Верховного Совета в 1910–1916 гг. Некрасов, – встречи деятелей с.-д. и с.-р. партий с представителями левых к.-д. и прогрессистов стали за последние пред революцией годы постоянным правилом. Здесь основным лозунгом была республика, а важнейшим практическим лозунгом: «Не повторять ошибок 1905 года», когда разбившаяся на отдельные группы революция была по частям разбита царским правительством. Большинство участников этих встреч (о них есть упоминание и в книге Суханова) оказались виднейшими деятелями Февральской революции, а их предварительный сговор сыграл, по моему глубокому убеждению, видную роль в успехе Февральской революции. Велась даже некоторая техническая подготовка, но о ней долго говорить»²⁵.

В воспоминаниях меньшевика и масона Суханова есть следующий рассказ: 24 февраля 1917 г. Суханов позвонил меньшевику и масону Н. Д. Соколову (будущему автору «Приказа № 1»): «Мы условились созвать представителей различных групп и собраться на другой день,

²¹ Ленин В. И. Собр. соч., т. 48, с. 275–276. Если и публикации письма в официальном собрании сочинений кто-то не поверит, то в журнале «Исторический архив», 1959, № 2 между с. 12 и 13 помещена вкладка с фотокопией ленинского ответа. Отрывки из письма Скворцова-Степанова были напечатаны еще в 1957 г. в журнале «Вопросы истории КПСС», № 3, с. 176 и восторженно встречены Г. Аронсоном, который первым заметил, что письмо фактически намекает на предложение масона Коновалова финансировать партию Ленина (Аронсон Гр. Масоны в русской политике. В кн.: Николаевский Б. И. Указ. соч., с. 169–170). Аврех (Аврех А. Я. Масоны и революция, с. 181–182) подробно возмущается в своей книге наглостью Аронсона, но опровергнуть официальный документ ему нечем, и никакое возмущение не сможет вычеркнуть слова «меньше 10 000 р. брать не стоит» из ответа Ленина...

²² Исторический архив, 1958 г., № 6, с. 10.

²³ Там же, с. 12.

²⁴ Николаевский Б. И. Указ. соч., с. 67.

²⁵ Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов, с. 19.

в субботу, у него на квартире, на Сергиевской, часа в три дня, для обсуждения положения дел и для обмена мнений. На этом совещании я надеялся уяснить себе позиции как цензовых, так и руководящих демократических элементов. А вместе с тем в качестве представителя левого крыла социализма я надеялся выступить с решительной защитой чисто буржуазной революционной власти, если это потребуется, а также и с требованием необходимого компромисса в интересах образования таковой власти». «У Н. Д. Соколова меня ждало разочарование», т. к. собрание «носило совершенно случайный и притом однотонный характер. Пришли главным образом представители радикальной «народнической» интеллигенции. <...> Н. Д. Соколов ожидал прихода авторитетных представителей большевиков, но никто из них не явился. Вместо них явился Керенский, который пришел прямо с заседания думского «сеньорен-конвента»²⁶.

Вслед за объединением действий левых и либералов, что произошло до начала войны, согласовали усилия левые и немецкое правительство. Вопрос, «был ли Ленин немецким шпионом», долго был предметом жарких дискуссий, но сейчас имеет смысл выяснять только, был ли Ленин немецким шпионом до февральской революции, потому что оказание ему и его партии разнообразной, в том числе и денежной, помощи после февраля 1917 г. уже неоднократно доказывалось. Самое короткое, но яркое заключение на эту тему принадлежит М. Алданову; он писал: «Историк же, я полагаю, будет считаться со следующими положениями: большевики в 1917 г. тратили огромные суммы; денег этих им русские рабочие давать никак не могли; не мог давать им средства и никто другой в России; могли дать эти деньги лишь «германские империалисты»; германские же империалисты были бы совершенными дураками, если б не давали большевикам денег, ибо большевики, стремясь к собственным целям и не будучи немецкими агентами, оказывали Германии огромную, неоценимую услугу»²⁷. Возможно, этот вопрос оказался бы менее болезненным для советской историографии, если бы ставившие его исследователи переформулировали его так: «Получал ли Ленин от своих единомышленников денежные средства, источником которых было немецкое правительство, а также пытался ли Ленин одновременно с этим содействовать революции в России?». Вероятно, такая постановка примирила бы обе стороны.

Для данной работы совершенно безразлично, был ли немецким шпионом лично Ленин²⁸. Важно, что такие люди были среди социалистов, а этого никто не отрицает. Наиболее известный пример – российский с.-д. меньшевик А. Л. Гельфанд (Парвус). В начале января 1915 г. в Турции, где он тогда жил после побега из ссылки, он встретился с немецким послом Фрайхером фон Вангенхаймом. В изложении посла беседа выглядела так: «Парвус сказал, что русские демократы могут достичь своих целей только путем полного уничтожения царизма и разделения России на более мелкие государства. С другой стороны, Германия тоже не добьется полного успеха, если не разжечь в России настоящую революцию. Но и после войны Россия будет представлять собой опасность для Германии, если только не раздробить российскую империю на отдельные части. Следовательно, интересы Германии совпадают с интересами русских революционеров, которые уже ведут активную борьбу»²⁹.

Гельфанд предложил собственный план русской революции; ему удалось представить этот план в министерстве иностранных дел Германии уже 9 марта. План заключался в организации забастовок в различных районах страны, с переходом во всеобщую забастовку в 1916 г. В том же месяце Гельфанд получил от министерства иностранных дел миллион марок. После попытки привлечь на свою сторону Ленина он обосновался в Дании и создал там фиктивную

²⁶ Суханов Н. Н. Записки о революции. В 3-х т. Т. 1. Кн. 1–2. М.: ИПЛ, 1991, с. 53, 58.

²⁷ Алданов М. Указ. соч., с. 17–18.

²⁸ Хотя, на мой взгляд, если бы Ленин верил в дьявола, то и ему бы душу продал при условии субсидирования партии.

²⁹ Сикорский Е. А. Деньги на революцию: 1903–1920. Факты, версии, размышления. – Смоленск: Русич, 2004, с. 172.

организацию, через которую вел в России пропаганду. Германскому министерству иностранных дел он обещал организовать революцию 9 января 1916 г. В этот день в Петрограде бастовали все заводы, но этим и ограничилось. Катков считает, что организация Гельфанда работала в Петрограде и в феврале 1917 г.³⁰

Сейчас неинтересно, были ли люди, подобные Гельфанду, правоверными социал-демократами или же нищая, но гордая социал-демократическая партия презирала их как предателей. Важно, что именно на немецкие средства были организованы Гельфандом бунты военного времени в России.

Совершенно неуместен после этого оптимизм начальника Петроградского охранного отделения ген. Глобачева, который говорит в воспоминаниях, что «для Германии русская революция явилась неожиданным счастливым сюрпризом»³¹. Впрочем, из дальнейшего изложения видно, что у Петроградского охранного отделения и не было агентов среди русских эмигрантов-социалистов, предпочитавших лучше служить делу революции на немецкие деньги, чем изменять этому делу на средства охраны. Этим, вероятно, и объясняется поразительная неосведомленность Петроградского охранного отделения, для которого февральской революция тоже оказалась неожиданным сюрпризом.

Никакое широкое забастовочное движение невозможно без финансирования. Не говоря уже о нелегальной литературе, в период забастовки рабочий не перестает нуждаться в деньгах; и если организатор забастовки не позаботится прежде всего о забастовочном комитете, который будет выплачивать бастующим компенсацию за потерянное жалованье, то забастовка быстро закончится.

Уже после того, как в масонские ложи вступили видные социалисты Думы, а Гельфанд в Берлине составил план русской революции, шесть фракций Думы (прогрессивные националисты, центр, октябристы-земцы, левые октябристы, прогрессисты, кадеты) и три группы Госсовета (академическая группа, центр, группа беспартийного единения) объединились в Прогрессивный блок с целью «создания объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны»³². Нетрудно было догадаться, что лидеры блока именно себя и считали такими лицами. В блок вошли более 70 % членов Думы, это было обеспеченное большинство. «Государственная дума в лице своего Прогрессивного блока нисколько не обнадеживает себя насчет практического исхода своих предложений, но Прогрессивный блок тем не менее намерен проявить настойчивость, чтобы создать правительству возможные затруднения», – говорилось в донесении заведующего министерским павильоном Думы Куманина председателю Совета министров³³.

Но ни деятельность Думы, ни деятельность социал-демократов, от думских до эмигрантов, ни работа масонов не могла разрушить Российскую Империю. Разрушить ее можно было только своими же, т. е. монархическими силами.

«— Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?

— Кого?»³⁴

---

³⁰ Катков Г. М. Указ. соч., с. 262.

³¹ Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. // Вопросы истории, 2002, № 9, с. 69.

³² Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года. // Вопросы истории, 2000, № 2, с. 31.

³³ Там же, № 3, 2000, с. 19.

³⁴ Фраза из кн.: Достоевский Ф. М. «Бесы». – М.: Славянка, 1994, с. 254.

2. «Легендарный монархист»

Тут-то и выручил всю бессильно облепившую Государственную думу нечистую силу Гучков.

Гучков был человеком исключительной храбрости и исключительного самолюбия. Еще гимназистом он собирался сбежать из дома добровольцем на русско-турецкую войну. Из охраны КВЖД он был уволен за дуэль. Дуэли всю его жизнь были одним из его постоянных занятий. Он участвовал в качестве добровольца в англо-бурской войне, на которой был тяжело ранен, попал в плен и был отпущен под честное слово. Когда в 1903 г. в Македонии началось восстание против турок, он уехал туда, несмотря на то, что через несколько недель должен был жениться. Во время русско-японской войны он был помощником главноуполномоченного Красного Креста при Маньчжурской армии и, по резолюции Московской городской думы, «совершил подвиг самопожертвования», во время отступления оставшись в Мукдене с ранеными солдатами. Когда в 1905 г. московский земский съезд обсуждал резолюцию об автономии Польши, то 172 человека высказались за эту резолюцию, а 1 против. Нетрудно догадаться, кто был этот один. Вот так и началась его политическая карьера.

Уже к 1905 г. он «вошел в легенду»³⁵. Он был убежденный конституционный монархист («...был монархистом, и остался монархистом, и умру монархистом», – говорил он в эмиграции³⁶). Он возглавлял партию октябристов, «очень понравился» Государю при встрече, был в хороших отношениях со Столыпиным, с которым познакомился через его брата А. А. Столыпина, тоже октябриста. В те времена Гучков говорил, что имя Николая II «будет написано славными буквами на страницах нашей истории, по отношению к Нему Его народ и мы, народные представители, остались в долгу»³⁷.

Сначала Витте, потом Столыпин предлагали ему пост министра торговли, но к тому времени Гучков уже почувствовал себя «легендой» и каждый раз пытался перекроить кабинет министров по своему вкусу. В результате министром торговли он так и не стал. По Петербургу ходил странный слух, что будто бы Государь сказал: «Ну, еще и этот купчишка лезет». Чтобы правительство и Государь поняли, кого они теряют, и осознали, что так нельзя обращаться с легендарным человеком, Гучков в 1908 г. произнес речь, назвав «безответственных по своему положению» Великих Князей, которых назначали на посты армейских инспекторов, причиной неудачи в войне³⁸. «Для того, чтобы сделать призыв к ним еще более убедительным, я всех назвал, – говорил Гучков. – Вот во главе Совета государственной обороны стоит великий князь Николай Николаевич... Всем сказал. И кончил призывом к ним, чтобы они сами ушли». «Что вы наделали, – сказал ему Столыпин. – Государь очень негодует на вас, и к чему было приводить этот синодик. Он говорит, если Гучков имеет что-либо против участия великих князей в военном управлении, он мог это мне сказать, а не выносить все это на публику, да приводить синодик»³⁹. По словам Гучкова, с этой речи началась его «размолвка» с Государем⁴⁰. Гучков, как видно из его биографии, всегда крайне болезненно относился к любой несправедливости. Здесь несправедливость, как ему, вероятно, казалось, была направлена против него. Этого он вынести и подавно не мог.

---

³⁵ Россия на рубеже веков: исторические портреты. – М.: ИПЛ, 1991, с. 88.

³⁶ Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993, с. 24.

³⁷ Государственная Дума 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. II. – М.: Фонд Правовая культура, 1995, т. 3, с. 13.

³⁸ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М.: Изд-во Эксмо, 2003, с. 352.

³⁹ Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 54.

⁴⁰ Там же, с. 51.

При поддержке Столыпина Гучков, впрочем, был избран председателем Думы. «А. И. Гучков не имел технических председательских данных, – пишет Ольденбург, – он в то же время покидал ответственный пост руководителя думского центра. Что же побудило его принять звание председателя? По-видимому, А. И. Гучков при помощи высочайших докладов желал получить *возможность влиять в желательном для него направлении на самого государя*»⁴¹. Проще говоря, Гучков мечтал о роли какого-то фаворита при Государе и, надо сказать, к тому делу и шло. Но неожиданно он встретил резкий отпор: «Государь угадал (или приписал Гучкову) такое намерение, – продолжает Ольденбург, – он, кроме того, считал, что Гучков стремится обходным путем урезать царскую власть; и на первом же приеме 9 марта, отступив от своей обычной приветливой манеры, встретил крайне холодно нового председателя Думы, открыто показал ему свое недоверие. В газетном сообщении о приеме было только сказано, что аудиенция «продолжалась более получаса»; обычных слов о «высокомиловитом приеме» не было»⁴². Во вступительной председательской речи в 1910 г. Гучков говорил, что, «может быть, придется и сосчитаться» с «внешними препятствиями, тормозящими нашу работу»⁴³.

В марте 1911 г. сессия Думы была прервана на три дня и в это время по 87-й статье принят закон о земствах в юго-западных губерниях. Таким путем Государь спас провалившийся в Госсовете столыпинский законопроект. Дума негодовала, а Гучков ушел в отставку с поста председателя. Разумеется, не нарушение закона волновало Гучкова. Такая решительная поддержка Государя была блестящим успехом Столыпина на том пути, на котором круто поскользнулся сам Гучков. Государь поддержал Столыпина, а не его; вот что его возмутило. Он возненавидел обоих. Гучков как будто предчувствовал, что через сорок лет Солоневич напишет: «После П. А. Столыпина А. И. Гучков был, конечно, самым крупным человеком России». Гучков не мог вынести, что Столыпин в чем-то его превосходит. В 1910 г. Столыпин совершил свой известный полет на самолете. Храбрость Столыпина в данном случае замечательна: во-первых, самолеты тогда были примитивные и совсем ненадежные, во-вторых, летчик был эсером и мог воспользоваться случаем для покушения на министра. Поняв это, Гучков тоже поднялся на самолете. Обычной завистью к Столыпину вызваны его слова «в сущности, Столыпин умер политически задолго до своей физической смерти»⁴⁴. Когда Гучков объявил, что снимает с себя полномочия председателя Думы, Столыпин пригласил его к себе и просил остаться («Столыпин очень удивился моей отставке»⁴⁵), но Гучков отказался⁴⁶. Свою ненависть к Столыпину Гучков держал при себе, в речах же и письмах не переставал превозносить его, называя «исполином»⁴⁷, кланяясь до земли памятнику Столыпина и т. д. А Государю он открыто стал врагом. «С этого момента у меня впервые явилось какое-то недружелюбное чувство по отношению к государю, связанное с убийством Столыпина и его поведением после смерти Столыпина»⁴⁸. Здесь Гучков, который «разным людям свои взгляды представлял по-разному»⁴⁹, несколько кривит душой, связывая свою неприязнь к Государю именно с убийством Столыпина, а не с событиями, которые произошли в Думе немного раньше. Не улучшил их отношения и такой, рассказанный Курловым, эпизод: «При представлении членов Третьей Государственной Думы Его Величество обратился к Гучкову с вопросом, избран ли он депутатом от

⁴¹ Ольденбург С. С. Указ. соч., с. 401.

⁴² Там же, с. 402.

⁴³ Там же, с. 402.

⁴⁴ Россия на рубеже веков, с. 98.

⁴⁵ Там же, с. 99.

⁴⁶ Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума, с. 361.

⁴⁷ Гучков А. И. «Корабль потерял свой курс». – М.: Знание, 1991, с. 23.

⁴⁸ Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 115.

⁴⁹ Слова Б. И. Николаевского цит. по: Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 132.

гор. Москвы или от Московской губернии? Указанного невнимания Гучков простить не мог: как осмелился Государь не знать подробностей карьеры «знаменитого» человека!»⁵⁰.

Гучков начал, как он говорил, «отстаивать монархию против монарха»⁵¹. Он решил заставить Россию возненавидеть Государя так же сильно, как он Его ненавидел. Для этого он выбрал из лиц, знакомых с Императорской семьей, странную фигуру по фамилии Распутин, и организовал его травлю. Вместо того чтобы прямо обвинить в чем-нибудь правительство или Государя, Гучков сосредоточился на этой малозначительной личности, делая вид, что Государя же защищает от нее.

В газете Гучкова «Голос Москвы» появилось открытое письмо приват-доцента Московской духовной академии Новоселова церковным властям о «хитром заговорщике против святыни церкви государственной, растлителе чувств и телес человеческих – Григории Распутине». Номер газеты был конфискован, и в Думу был внесен соответствующий запрос, который первым подписал Гучков. «В сущности, – пишет Родзянко, – запрос вынес целиком дело на суд общества. Статья в «Голосе Москвы», за которую номер был конфискован, приведенная полностью в тексте запроса, попала в стенографические отчеты и была напечатана поэтому во всех газетах»⁵². Одновременно Гучков через баронессу Иксуль познакомил Распутина с В. Бонч-Бруевичем, известным специалистом по сектантству, ожидая, видимо, поддержки в критике «еретика» Распутина. Вскоре в журнале «Современник» появилось и заключение Бонч-Бруевича о полной религиозной ортодоксальности «старца». Неизвестно, какую роль в этой неожиданной поддержке Распутина сыграла партия большевиков, к которой принадлежал Бонч-Бруевич. «Потом, – говорил Гучков, – когда я ознакомился с личностью Бонч-Бруевича и с его ролью во время [правления] большевиков, я стал задумываться, <...> не пришел ли он к тому убеждению, что это явление полезно для них, спекулировавших на разложении старой власти»⁵³.

В конце 1911 г. в Петербурге распространились копии нескольких писем, адресованных Распутину, одно из которых было написано Императрицей, остальные Великими Князьями. Письма распространялись «со ссылкой на А. И. Гучкова»⁵⁴. Хотя ничего подозрительного письма не содержали, факт переписки Царской Семьи с Распутиным заставил Петербург насторожиться. До сих пор неясно, кто же в действительности распространял эти письма. Ненавидящий Гучкова Милюков убежден, что распространял именно Гучков, Коковцов осторожно уходит от прямого ответа, Курлов и вовсе пишет, что письма распространял тот же Илиодор, который и отобрал их оригиналы у Распутина. Государю, по всей вероятности, доложили, что виноват Гучков. Но Гучков не только не отрекся от писем, но и в то же время продолжал свою кампанию против Распутина.

9 марта 1912 г. он произнес в Думе свою знаменитую речь по смете Святейшего синода. Гучков начал с того, что «нужно особое душевное настроение, мне не свойственное, особый склад ума, я скажу, души, мне чуждый, чтобы сосредоточить свое внимание и свои слова на вопросах, как страхование церковного имущества, уравнивание епископских окладов», т. е. чтобы во время прений по смете Синода говорить о смете Синода. «Хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности и что в опасности государство». Опасность, по мнению оратора, создавал Распутин, «загадочная трагикомическая фигура – точно выходец с того света или пережиток темноты веков, странная фигура в освещении XX столетия». «Вдумайтесь только, – говорил Гучков, – кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, которая тащит за

⁵⁰ Курлов П. Г. Гибель Императорской России. – М.: Современник, 1991, с. 186.

⁵¹ Гучков А. И. «Корабль потерял свой курс», с. 29.

⁵² Гибель монархии. / Вел. кн. Николай Михайлович. М. В. Родзянко. Вел. кн. Андрей Владимирович. А. Д. Протопопов. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000, с. 106.

⁵³ Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 85

⁵⁴ Ольденбург С. С. Указ. соч., с. 426.

собой (*Марков-второй, с места*: это бабьи сплетни) и смену направлений, и смену лиц, падение одних, возвышение других? Если бы мы имели перед собою (*Марков-второй, с места*: митинговая речь) одинокое явление» и т. д. Всего нелепее в речи были постоянные намеки на «антрепренеров старца», которые «суфлируют ему то, что он шепчет дальше». Гучков не переставал повторять, что говорит известные всем вещи, хотя, наоборот, это его речь оказалась откровением. Под конец он все же вспомнил о Синоде и заодно разгромил и его обер-прокурора Саблера за бездействие. Марков-второй логично крикнул во время этой речи, что известный этический минимум обязателен и для членов Государственной думы⁵⁵.

Тем не менее Гучкову поверили. Ольденбург считает Гучкова «одним из главных творцов», «если не главным»⁵⁶, бредовой распутинской легенды, приписавшей «старцу» «и смену направления, и смену лиц, падение одних, возвышение других»⁵⁷. На самом деле речь Гучкова, как и вся его пропаганда против Распутина, как и все последующие подвиги гениального октябриста вроде вымогательства у Государя отречения от престола, стремились к одной очевидной цели – оттолкнуть от Государя возможно больше монархистов. Один из них (Шульгин) потом так и сказал: «Есть страшный червь, который точит, словно шашель, ствол России. Уже всю сердцевину изъел, быть может, уже и нет ствола, а только одна трехсотлетняя кора еще держится...

И тут лекарства нет...

Здесь нельзя бороться... Это то, что убивает...

Имя этому смертельному: Распутин!!!»⁵⁸

«Распутинская легенда, – говорит Ольденбург, – оказывала на людей парализующее влияние. Те, кто попадал под ее власть, начинали сомневаться в побуждениях Государя, ловили в Его словах отголоски чужих влияний и неожиданно перечили Его воле, подозревая, что за нею стоит Распутин»⁵⁹.

Государь назвал речь Гучкова о Распутине «отвратительной»⁶⁰ и однажды просил военного министра передать Гучкову, что Он его считает подлецом⁶¹. «Вот тут, на этом, я считаю, произошел окончательный разрыв, окончательно потеряли ко мне всякое доброе чувство, а мне даже передавали, что государыня сказала: «Гучкова мало повесить»⁶²».

Но чтобы монархисты от престола не просто отошли, а отскочили, Гучков обвинил правительство еще и в измене. «Измена... – писал Шульгин. – Это ужасное слово бродит в армии и в тылу... Началось это еще с Мясоедова в 1914 году»⁶³. Для этого Гучков использовал тот же прием, что и с Распутиным. Он нашел еще одну мишень – жандармского офицера Мясоедова – и в газете «Новое время» обвинил его в шпионаже. Мысль об измене в военном министерстве подрывала репутацию военного министра Сухомлинова, который и сам по себе Гучкову был неугоден. «Хорошо сознавая, что открытые выступления против Монарха могут повлечь нежелательные последствия, Гучков атаковал Его косвенно, дискредитируя близко стоявших к Нему лиц, а в особенности военного министра, генерал-адъютанта Сухомлинова, в правиль-

⁵⁵ Гучков А. И. «Корабль потерял свой курс», с. 9–11.

⁵⁶ Ольденбург С. С. Указ. соч., с. 536.

⁵⁷ Там же, с. 425.

⁵⁸ Шульгин В. В. Дни. 1920. – М.: Современник, 1989, с. 133. А ведь тот же Шульгин утверждает, что сказал Пуришкевичу: «Он просто молится за наследника. На назначения министров он не влияет. Он хитрый мужик...» (Там же, с. 153). Милюков говорил: «...для меня Распутин – не самый главный государственный вопрос... я буду говорить о вопросах более важных» (Мельгунов С. П. Указ. соч... с. 69).

⁵⁹ Ольденбург С. С. Указ. соч., с. 538.

⁶⁰ Там же, с. 426.

⁶¹ Катков Г. М. Указ. соч., с. 334–335.

⁶² Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 87.

⁶³ Шульгин В. В. Указ. соч., с. 127.

ном расчете, что приписываемые им последнему дефекты не могут не отразиться на Царе», – пишет ген. Курлов⁶⁴.

Нужно сказать, что Гучков через свой Красный Крест был знаком едва ли не со всем высшим командованием армии. «Осведомителей»⁶⁵, как он их называл, у него было много и он, как правило, неплохо разбирался во внутренних делах армии. Как раз одним из таких «осведомителей» был ген. Поливанов. Незадолго до начала событий Мясоедов по поручению военного министра расследовал дело об обвинении в шпионаже ген. Поливанова, чем себя и погубил. Именно Поливанов передал Гучкову материал для обвинений Мясоедова, объяснив потом свои действия желанием занять пост военного министра⁶⁶.

Узнав о действиях Гучкова, Мясоедов вызвал его на дуэль. На дуэли 20 апреля 1912 г. Мясоедов стрелял в Гучкова, но промахнулся, т. к. был близорук, а Гучков стрелял в воздух. Несмотря на беспочвенность обвинений Мясоедову пришлось уйти в отставку. 28 апреля 1912 г. был уволен и Поливанов за передачу Гучкову конфиденциальной информации⁶⁷.

Хотя об «измене» в армии узнала вся страна, Гучков мог бы считать это дело проигранным. Его газета вынуждена была опубликовать опровержение сведений о Мясоедове. Но во время войны история с обвинением Мясоедова неожиданно для самого Гучкова кончилась трагически. В 1915 г. сбежавший из германского плена подпоручик Колаковский обвинил Мясоедова в измене. Ставка в ее тогдашнем составе (Верховным главнокомандующим был Великий Князь Николай Николаевич) воспользовалась этим случаем, чтобы объяснить следствием измены свои промахи на фронте. Военно-полевой суд приговорил Мясоедова к смертной казни. Даже признание Мясоедова в мародерстве – говорилось о двух статуэтках, взятых им из дома в Восточной Пруссии, о каких-то оленьих рогах⁶⁸ – не могло быть основанием для такого приговора.

Конец истории описывает Катков: «Выслушав приговор, Мясоедов попросил разрешения послать телеграмму царю и семье, и затем потерял сознание. Телеграммы, в которых Мясоедов утверждал, что невиновен, и просил родных смыть позор с его имени, так и не были отправлены, их подшили к делу. Казнь состоялась в ту же ночь после неудавшейся попытки Мясоедова покончить с собой»⁶⁹. «...теперь, по моему мнению, – говорит Мельгунов, – можно считать неоспоримо доказанной не только невинность самого Мясоедова, но и то, что он пал жертвой искупления вины других. На нем в значительной степени отыгрывались, и прежде всего отыгрывалась Ставка»⁷⁰. Хотя Колаковский позднее признался, что фамилию Мясоедова узнал из газет в 1912 г., Дума и ее поклонники не сомневались ни в измене Мясоедова, ни в том, что первым эту измену раскрыл Гучков. Вслед за казнью Мясоедова последовало увольнение военного министра Сухомлинова, и оба факта пригодились для дальнейшей пропаганды.

По словам Глобачева, «Керенский поспешил написать открытое письмо председателю Государственной думы Родзянко, между прочим нигде открыто не напечатанное, с резким осуждением и обвинением в государственной измене правительства и командного состава. Письмо, в виде отдельных листовок напечатанное в тысячах экземпляров, распространялось из-под полы в Петрограде и провинции, в чем и был весь его смысл, т. к. правды в нем не было ни на грош. Но успех оно имело, в особенности в студенческих и рабочих кружках»⁷¹.

⁶⁴ Курлов П. Г. Указ. соч., с. 187.

⁶⁵ Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 7.

⁶⁶ Шацилло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова. // Вопросы истории, 1967, № 4, с. 108.

⁶⁷ Гибель монархии, с. 279.

⁶⁸ Шацилло К. Ф. Указ. соч., с. 115.

⁶⁹ Катков Г. М. Указ. соч., с. 140. Телеграмма Мясоедова семье: «Клянусь, что невиновен, умоляю Сухомлиновых спасти, просить государя императора помиловать» (Шацилло К. Ф. Указ. соч., с. 115).

⁷⁰ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту, с. 30–31.

⁷¹ Глобачев К. И. Указ. соч., № 8, с. 63.

Очевидно, что Гучков, который к тому же «давно и широко раскинул сети своих сношений как с командным составом армии, так и со служащими в центральных управлениях министерства»⁷², был объектом надежды и зависти масонов. Однако договоренности между ними до последнего времени не возникало; возможно, потому, что у масонов не было подходящего случая. Тем не менее ничего не подозревавший Гучков был окружен целой масонской цепью. Масоны занимали главные должности в военно-промышленных комитетах, председателем главного из которых – Центрального военно-промышленного комитета, ЦВПК, был Гучков. Одновременно он входил и в Прогрессивный блок. Заместителем председателя ЦВПК был масон Коновалов, а председателем киевского ВПК – масон Терещенко.

Официально ЦВПК занимался распределением военных заказов. На деле эта организация готовила государственный переворот. С некоторого времени, вероятно, с 1914 или с 1915 г., Гучков от прежних целей причинить Государю как можно больше неприятностей перешел к идее переворота: «Когда я и некоторые мои друзья в предшествовавшие перевороту месяцы искали выхода из положения, мы полагали, что в каких-нибудь нормальных условиях <...> выхода найти нельзя, что надо идти решительно и круто, идти в сторону смены носителя верховной власти <...> В этом направлении кое-что делалось до переворота, при помощи других сил и не тем путем, каким в конце концов пошли события...»⁷³, подразумевая под «другими силами» свои связи с рабочими и военными кругами.

Связь с рабочими Гучков установил через рабочие группы, выборы в которые были осуществлены к началу 1917 г. в 58 комитетах из 244⁷⁴ и постоянно действовали в ВПК в обеих столицах, в Киеве и в ЦВПК. Рабочие группы выбирались выборщиками от рабочих военных заводов. На первых выборах в рабочую группу ЦВПК в сентябре 1915 г. большевики, недооценив Гучкова, отказались принять участие в выборах и сорвали их. Рабочая группа была избрана только через два месяца. В нее вошли меньшевики и эсеры. Председателем группы был меньшевик Кузьма Гвоздев, который сразу заявил, что самодержавие – это «наш страшный внутренний враг»⁷⁵. В январе 1917 г. рабочая группа ЦВПК выпустила воззвание с призывом к «решительному устранению самодержавного режима». В то же время Хабалов писал Гучкову, что рабочая группа «занялась обсуждением политических вопросов в резко революционном направлении»⁷⁶. Суханов пишет, что рабочая группа «не пользовалась популярностью среди рабочих масс», это было «сотрудничество в сфере «казенных заказов»»⁷⁷

⁷² Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. – М.: Наука, 1992, с. 52.

⁷³ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. – М.: Советский писатель, 1990, с. 188.

⁷⁴ Государственная дума 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. II, с. 291.

⁷⁵ Ольденбург С. С. Указ. соч., с. 531.

⁷⁶ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М.: РОССПЭН, 2003, с. 262.

⁷⁷ Суханов Н. Н. Указ. соч., с. 49.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.